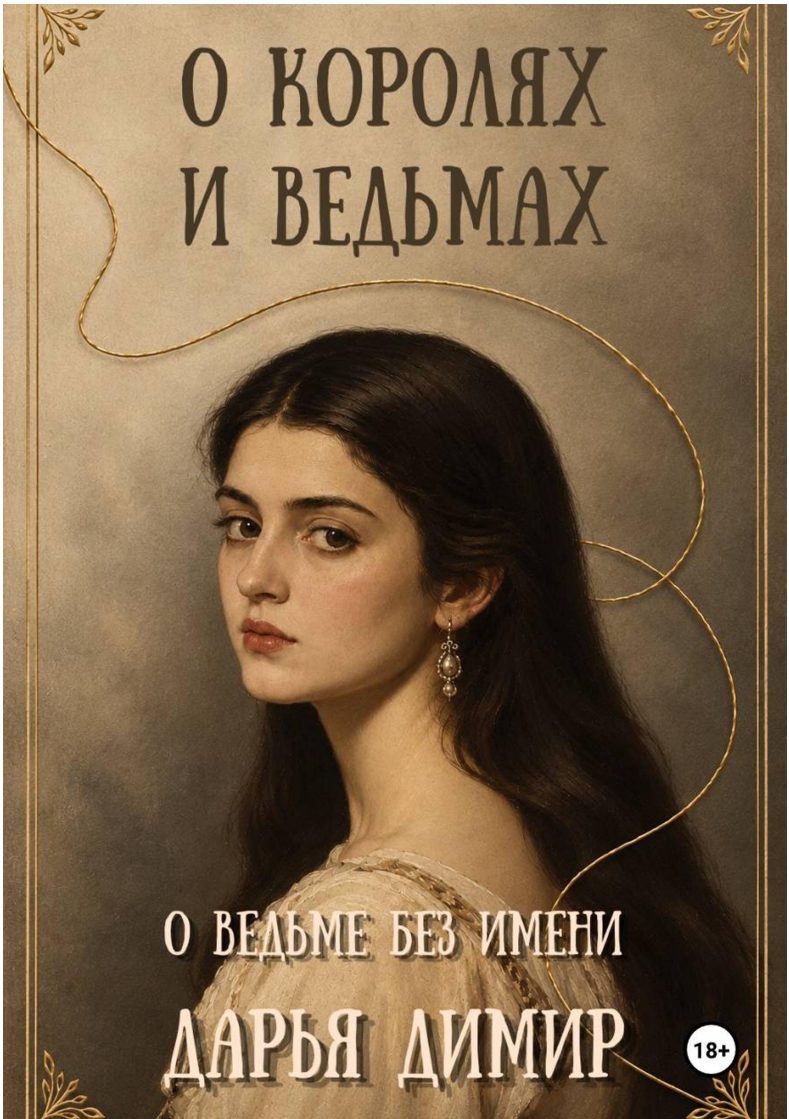
О КОРОЛЯХ И ВЕДЬМАХ

О ВЕДЬМЕ БЕЗ ИМЕНИ

ДАРЬЯ ДИМИР

18+

Дарья Димир

О королях и ведьмах: О ведьме без имени

https://litres.ru/74864463
SelfPub; 2026

Аннотация

Фрея — беглянка, скрывающаяся от прошлого, которого почти не помнит. Вместе с младшей сестрой она находит приют в трактире и начинает новую жизнь: с тяжелой работой, таинственными гостями и редкими моментами покоя. И тайной, которую Фрея никому не готова открыть: иногда к ней приходят видения из будущего.

Когда у Фреи появляется шанс изменить жизнь к лучшему, она хватается за него — так они с сестрой попадают в замок и становятся воспитанницами благородной леди. Но чем ближе Фрея к желанному покою, тем сильнее проявляется ее дар. Он приносит не только видения, но и кошмары, в которых кто-то пытается проникнуть в ее разум.

Сможет ли Фрея понять природу своего дара, узнать, кто так настойчиво вторгается в ее сны, и сохранить рассудок, когда граница между видениями и реальностью начнет исчезать?

И главное — сможет ли она обрести дом и семью, о которых всегда мечтала?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дарья Димир
О королях и ведьмах:
О ведьме без имени

Пролог

Моим первым настоящим воспоминанием был побег. Той ночью крепкая и мозолистая рука доброй женщины со смешными разноцветными глазами сжимала мою ладонь, маленькую и грязную. Я тянула за собой сестру и приговаривала, чтобы не отставала. Меньше всего мне хотелось расстроить добрую женщину: та все время оглядывалась, будто за нами гналось что-то страшное и опасное.

Запомнила я и другие руки: мужские, сильные, знающие, что такое тяжелый труд. Если мы с сестрой уставали или начинали клевать носом, именно эти руки подхватывали нас и уносили прочь от прежней жизни. Думаю, в ту ночь нам помогли: самим сбежать из мрачного дома с его длинными коридорами и бесконечными комнатами было бы невозможно.

Затем мы долго шли по лесу. Птицы еле слышно напевали, а взрослые еле слышно разговаривали. Должно быть, мы с сестрой доверяли им достаточно, чтобы покорно следовать и не задавать лишних вопросов. Иногда нам становилось

страшно и грустно. В особенно тяжкие ночи я прижимала сестру к себе, потому что она начинала плакать и проситься домой, к маме. Добрая женщина порывалась что-то сделать, но мужчина ее останавливал — тогда я с какой-то неожиданной серьезностью взяла роль взрослой на себя. Кто-то ведь должен был.

После леса воспоминания смазывались. В какой-то момент женщина нас оставила. Когда мы задержались в заброшенной хижине, чтобы отоспаться и умыться, она отвела меня в сторону, присела — так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне — и тихо сказала:

— Здесь, звездочка, мы и расстанемся.

Ее голос был очень мягким и нежным. В смешных разноцветных глазах застыли слезы.

— С вами все будет хорошо. Слушайтесь Брана. Он хороший человек. Он доведет вас до безопасного дома. А теперь запомни каждое мое слово. Слушаешь?

— Слушаю.

— Прошлое держи при себе, никому о нем не рассказывай. Ни о себе, ни о ней. — Женщина указала на сестру. — Никто не должен знать, откуда вы пришли. Поняла?

Я кивнула.

— Тебя зовут Фрея. Красивое и ладное имя для такой девочки. Повтори.

— Меня зовут Фрея.

— Еще раз.

— Меня зовут Фрея.

— Хорошо.

Уже потом я поняла, что звали меня совсем не Фрея, но в тот момент я с легкостью отказалась от настоящего имени, словно его никогда и не было, словно не я жила с ним первые несколько лет.

— Заботься о Сильви. Она еще малышка. Будь хорошей сестрой и оберегай ее от опасностей. Изучай людей и не доверяй кому попало. Всегда знай, какой человек стоит перед тобой, прежде чем иметь с ним дело. Следи за поступками, а не словами.

Я слушала добрую женщину так внимательно, как могла, хотя и очень хотела свернуться калачиком рядом с Сильви и уснуть. Пересилив этот порыв, я посмотрела в разноцветные глаза. Добрая женщина пыталась вложить в меня столько мудрости, сколько могла. Она перескакивала с одной темы на другую, сама на себя сердилась, потому что не могла собраться с мыслями. Я серьезно кивала ей, словно понимала тогда, что она имела в виду.

— Всегда будь вежлива и осторожна с незнакомцами. Держи себя и свой дом в чистоте. Знай цену вещам.

Я бросила взгляд на серьги в ушах доброй женщины. Она это заметила и усмехнулась, утерев слезы обтрепанным рукавом.

— Я говорю не об украшениях, звездочка. У каждого твоего поступка будет своя цена. Сказать правду или со-

врать, поддержать другого или нет, помочь или пройти мимо. Помни это и решения принимай с ясной головой. А теперь... Напомни еще раз, как вас зовут?

— Фрея и Сильви. Я присмотрю за ней, обещаю.

— Тогда пора прощаться.

— Тебе правда надо идти?

— Боюсь, что да. Я должна кое о ком позаботиться. За вами присмотрит Бран, не переживай. Возьми-ка это. — Женщина порылась в кармане, достала металлическую брошь в форме круга и прикрепила ее на внутреннюю сторону моей рубахи. — Храни ее и никому не показывай. Это подарок, только для тебя.

— Спасибо.

— Прощай, звездочка моя, и да хранит вас Матерь. Если повезет, мы свидимся вновь, — пообещала она, крепко меня обняла и исчезла.

Остались только я, Сильви и Бран. Наутро сестра спрашивала, куда делась добрая женщина, почему она ушла и почему не может вернуться. Я не стала объяснять ей всего, Бран тоже. Мы собрались и отправились дальше, в неизвестность: к новой жизни, которую никто из нас не выбирал; к новым людям, которым суждено было стать нашими друзьями или противниками; к новым испытаниям, которые навсегда нас изменят.

Глава 1

— А ты не можешь остановить дождь? — тихо спросила Сильви. — И вернуть солнце?

— Солнце? Ночью?

— Да.

Я выдохнула и крепче прижала к себе сестру.

— Не могу. Пусть польет. Польет и перестанет. Ты же знаешь, дождь закончится.

— Точно?

— Точно. Все всегда заканчивается.

— Фрея…

Голосок у Сильви был тихий-тихий. Я издала невнятный звук, и сестра продолжила:

— А наша работа скоро закончится?

— Не знаю. Не думаю. Нам ведь некуда идти.

— Но… Бран хотел идти дальше. Пока не умер.

Я вздрогнула, а перед глазами вырос могильный камень с четырьмя неровно высеченными буквами. Как рано Бран покинул нас! Он добросовестно заботился обо мне и Сильви, вел нас сквозь города, большие и маленькие, сквозь леса и поля, надеясь довести до безопасного места, которое мы смогли бы назвать домом. Однако в одном из поселений Бран слег. Он болел долго и тяжело, а мы ухаживали за ним как могли. Мы отдали его деньги взрослым, которые приютили

нас, кормили и лечили, но Бран все равно умер, так и не сказав, куда мы шли, где находилось это безопасное место, существовало ли оно на самом деле.

— Брана больше нет. Теперь я за него. И я думаю, нам нужно остаться. Здесь безопасно. У нас есть дом и еда.

— Мне не нравится работать, — буркнула Сильви, а я тихо рассмеялась.

— Это мало кому нравится. Но завтра нам снова придется работать, так что давай спать.

— Я хочу домой.

Я промолчала. Вскоре Сильви уснула, а я все пыталась вспомнить, как выглядел Бран и каким был. С нами он общался короткими фразами, которые больше походили на приказы. Ничего не говорил о себе и своей прошлой жизни, так что я даже не знала, остался ли в ней кто-то важный и родной. Тем не менее за те месяцы, что мы шли вместе, с нами не случилось ничего плохого: мы с Сильви не болели, не голодали, на нас никто не нападал. Уже за одно это Брана следовало благодарить.

Его похоронили за городом. Во время короткого прощания я не проронила ни слезинки, а кошмары, в которых чужие руки пытались затащить меня в могилу, прошли дней через десять.

После смерти Брана нам с Сильви некуда было идти. Думаю, взрослые тогда посчитали нас недалекими, потому что мы мало разговаривали и почти не отвечали на их вопросы,

словно переняли эту привычку у Брана. А Сильви еще и часто плакала. Взрослых это раздражало, но выдворить нас они не смогли: может, преисполнились жалости, а может, просто решили, что из нас выйдут хорошие помощницы. Так или иначе, новым домом мы с Сильви стали называть небольшой город Тавр и трактир, где нас когда-то приютили. Там же у нас появилась и работа, а еще — крохотная комната на чердаке, которую мы сразу полюбили.

— Пока будете работать за еду и крышу над головой, — сказал хозяин после похорон. — Наша Джоди хорошо готовит, с голоду не помрете. Ну и меня не позорьте. Тогда все ладно будет.

Так мы и осели в Тавре и со временем привыкли работать в трактире. Иногда, если гостей было много, а улов был хорошим, хозяин мог подкинуть пару звонких монет. Их давали мне, поскольку я была старшей, и каждую мы с Сильви внимательно рассматривали перед сном. Деньги я старалась не тратить попусту, даже если сестра умоляла купить какую-нибудь сладость. Все решения я принимала с ясной головой, и хозяину это пришлось по душе. Он всегда говорил со мной серьезно и спрашивал с меня так же серьезно. Жестоким он не был. Если все исполнялось тщательно, а гости уходили довольные, он нас хвалил. Если мы работали плохо — ругал, иногда наказывал бранным словом или несильной затрещиной. В такой жизни все было просто, понятно и честно.

В трактире мы познакомились с кухаркой Джоди и ее сы-

новьями, с молодой прачкой Линетт, чье лицо было испещрено маленькими отметинами — потом я узнала, что это были следы детской болезни. Линетт всегда работала усердно, и я ни разу не видела, чтобы хозяин ругал ее.

Сам он принимал гостей в зале, разливал им выпивку и развлекал так, чтобы те оставляли как можно больше монет. У него был хороший голос, и он часто заводил бойкие и не совсем приличные песни, которые тут же подхватывали остальные. Благодаря своим золотым рукам он с легкостью мог починить любую вещь, а я ему время от времени помогала.

Мои дни всегда были полны работы, и лишь изредка, когда гостей оставалось мало, хозяин мог отпустить нас с Сильви погулять по Тавру. Это время было самым ценным, и я наслаждалась каждым свободным мгновением. Я брала сестру за руку и вела ее к реке, где в теплое время ловили рыбу местные жители. Мы наблюдали за рыбаками, но держались на расстоянии и редко вступали в разговор. Наше общение ограничивалось поручениями хозяина или парой благодарных фраз горожанам.

Мы с Сильви собирали прекрасные букеты, и сестра, во всем видевшая красоту, особенно в этом преуспела. Она могла взять несколько цветов, добавить к ним трав и собрать букет, от которого не отказалась бы ни одна женщина в городе. За эти букеты мы обычно получали пару ароматных пряников, мешочек с чаем, свечу или даже монетку, на которую

мало что можно было купить, но которую я с трепетом добавляла в копилку.

За первый год после смерти Брана мне удалось освоиться в новом городе. Я редко вспоминала его или добрую женщину, хотя иногда доставала из тайника подаренную брошь и ощущала на сердце нечто вроде печали. Возможно, я грустила из-за жизни, которой меня лишили, хотя смутно помнила, кем была до Тавра. В воспоминаниях, от которых начинала болеть голова, появлялись темные коридоры дома, вечный дождь, сырость в комнатах и кровь.

Сильви тоже мало что помнила. Иногда она заговаривала о родителях, особенно об отце, вспоминала запах костра и тревожную возню. Я никак не могла поддержать эти разговоры, и со временем мы все реже и реже думали о прошлой жизни. Поначалу Сильви плакала, просыпалась от кошмаров, но с каждым годом слез становилось меньше — как и кошмаров. Время взяло свое. Всегда берет.

— Оттаяли, — заметила как-то Джоди, разглядывая нас с сестрой. — Это хорошо.

Работа в трактире, какой бы тяжелой иногда ни казалась, была мне по душе. Я повстречала стольких людей за то время — разного сословия и достатка, иногда с такими удивительными судьбами, что мне казалось, будто в их рассказах все было выдумкой. Одни торговали, а другие ездили по стране с представлениями и зарабатывали деньги развлечениями. Кто-то бежал от прошлых невзгод, от набегов и смер-

тей. Я слышала столько тайных разговоров, столько признаний, но ни с кем этим знанием не делилась — все хранила в себе. Некоторых людей я жалела, потому что они были добрыми и смешными, а от некоторых мне становилось не по себе, столько в них было злости и подлости. Хозяин принимал всех — практически всех. Иногда, если гость переходил грань дозволенного, его прогоняли. Не каждый желал уходить с миром: некоторые напоследок пытались причинить как можно больше вреда, будто бы в отместку за пережитое унижение.

Я за всем этим внимательно следила и училась разделять гостей на приличных и неприличных. Часто хозяин говорил, чтобы мы не давали никому распускать руки и не потакали всяким непристойностям.

— Если кто тронет, ущипнет или шлепнет, — наставлял он нас, — сразу идете ко мне и говорите. У нас честное заведение, а не публичный дом. И сами ни к кому не лезьте. Особенно ты, Линетт. Ты уже девка взрослая. Если не хочешь обрюхатиться, никого к себе не подпускай.

Линетт краснела, но кивала и даже не пыталась спорить. Тем же вечером я спросила у нее, что такое публичный дом и что значит обрюхатиться, а перед сном объясняла это такой же любопытной Сильви.

— Обрюхатиться — значит стать мамой, — сказала я ей. — Только в неподходящий момент.

— Это как?

— Это когда у тебя нет мужа. Если муж есть, то становиться мамой можно. А если его нет, то станешь брюхатой. И это будет неприлично. От тебя все откажутся, и ты будешь опозорена. Так объяснила Линетт.

— А публичный дом?

— А в публичном доме можно обрюхатиться.

— Тогда мы не будем туда ходить, — с трогательной твердостью заявила мне тогда Сильви, перевернулась на другой бок и заснула.

Такими были наши первые годы в Тавре — тяжелыми, иногда грустными, но поучительными и полными открытий. Сейчас я понимаю, что это было хорошее время. Мы с Сильви жили спокойно, на нас никто не обращал внимания, по-своему нас даже смогли полюбить.

Джоди общалась с нами тепло. У нее было три сына, но я думаю, что она в тайне всегда мечтала о дочерях. Гилрой, хозяин, если и ругал нас, то уже без бранной речи. Затрещин он с каждым годом давал все меньше, а в какой-то момент даже сам смутился, увидев слезы на нежном личике Сильви. Он пробормотал, что так больше нельзя, и с тех пор ни разу нас не бил. Один раз, взглянув внимательно, поворчал, что мы с сестрой выглядим как оборванки, и отвел нас к портнихе Молли. Велел сшить платья — самые простые и недорогие, но новые и только для нас. Сильви досталось светлое платье с птичкой, такой же маленькой и нежной, как она сама, а я выбрала темно-синий цвет и попросила вышить ма-

ленький круг, а внутри — дерево, что росло у озера. Я очень любила это место.

— Да, я его знаю, — улыбнулась портниха.

Когда я получила платье, то от восторга не смогла вымолвить ни слова. Я чувствовала себя настоящей леди, пусть даже выглядела не так изящно, как Сильви. Мы кружили по комнате и распевали одну из песен хозяина — самую приличную. За этим занятием он нас и застал, а потом прикрикнул, чтобы мы возвращались к работе, а не то он так нагрузит нас, что в голове ни единой мысли не останется — не то что песен.

Гости приезжали и уезжали, приносили свои истории и забирали наши. Мы с сестрой работали в трактире, росли, ссорились и мирились. Смеялись украдкой под лестницей и подслушивали чужие разговоры. Бегали в погреб и на чердак, бегали на реку и по делам в город. Мы переживали хорошие времена, когда в трактире яблоку негде было упасть, переживали и плохие времена, времена пожаров и неурожаев, времена набегов на приграничные города. Мы общались с хорошими людьми и терпели плохих. Помогали и принимали помощь. Пересказывали друг другу страшные истории и боялись, что однажды сами станем такими историями.

Вначале наш с Сильви мир был ограничен стенами трактира, затем — ближайшими домами и улицами, после этого — всем городом. Все, что выходило за эти пределы, казалось выдумкой. Герои чужих историй были так далеки от меня,

что я не видела в них настоящих, живых людей. Хозяин с золотыми руками и громким голосом был настоящим. Джоди, от которой всегда пахло едой, была настоящей. Линетт с сухими руками и ямками на лице тоже была настоящей.

Все изменилось через несколько лет, когда чужие проблемы коснулись нас с сестрой. Тот год был очень неспокойным. Позже люди назовут его «годом трех королей», потому что старый король умер и не оставил наследника, а его корона, как говорили в городе, стала «лакомым кусочком» для нескольких возможных преемников и тех сил, что стояли за ними. Это был год заговоров, тайн и измен, год убийств и беспорядков во многих городах. Обычный народ не понимал, кому присягать на верность, потому что не успевал один претендент занять престол, как против него готовили очередной заговор. Трем королям кланялись благородные дома, и трех королей они хоронили со всеми почестями. Эти известия мы получали от путников, и я видела, с каким волнением хозяин их выслушивал.

— Не будет у нас хорошей торговли, пока они не успокоятся, — говорил он Джоди. — Выбрали б одного — и дело с концом!

— Перебить надо всех этих изменников, — отвечала на это Джоди. — И чтоб мысли не возникло пойти против короля.

«Год трех королей» продлился год и три месяца, прежде чем на престол взошел Хэмлин Второй. Рассказывали, что

он сразу же очистил столицу от заговорщиков: кого-то казнил, кого-то отправил на исправительные работы, кого-то лишил всех должностей, почестей и богатств. После этого король стал подыскивать достойную жену, чтобы прочно обосноваться на престоле. Благородные дома смогли выдохнуть и заняться насущными делами, а простой народ знал, кого теперь следовало почитать и перед кем трепетать.

В те времена наша с Сильви жизнь и начала меняться.

Глава 2

Мы пережили одну из самых суровых зим за последние годы, а то и за целое десятилетие, как говорили взрослые. Сообщение между городами замедлилось, телеги застревали на плохо расчищенных дорогах, а лошади проходили те же расстояния в два, а то и в три раза дольше обычного. Зима была настолько холодной, что животные и люди замерзали насмерть. В какой-то момент я осознала, что вещи, которые для нас когда-то собрал хозяин, были недостаточно теплыми — с тяжелым сердцем пришлось залезть в копилку и заказать у портнихи Молли подходящую одежду. Вдобавок я пообещала, что целый месяц буду приходить к ней после работы и помогать в мастерской.

В эту зиму мы также похоронили Леви — младшего сына Джоди, и Сильви стала работать в полную силу, что ей совсем не нравилось.

— Одно дело помогать тебе, — сказала сестра в тот вечер. — Это не сложно. Ты делаешь всю грязную работу. Но вот бегать по залу! Мыть посуду! Носить ее туда-сюда!

Я улыбнулась и попросила Сильви передать платок.

— Протри столы и не забудь поднять стулья. И проверь, чтобы никакая посуда не затерялась. И...

— И окна закрой, и дверь запри. Знаю, знаю, — отмахнулась Сильви, а потом хитро улыбнулась. — Может, я с то-

бой пойду? Буду вас развлекать. Спою что-нибудь. Я помню «Сердце девы» и «Полночный поцелуй».

— Споешь, пока будешь убираться. Не знаю, во сколько вернусь, так что меня не жди. Ложись как обычно. Дверь на ключ закрой, не на засов. Поняла?

— Да поняла я.

— Наши горшки тоже вымой перед сном. И комнату проветри. Не могу спать в вони.

— Ой, да отстань ты уже.

Когда я наконец оделась, мы с Сильви спустились в зал. Хозяин распивал пиво с товарищами и, заметив нас, поднялся из-за стола. Подошел и сказал тихо:

— Сестра пусть идет в комнату. Я сам все закрою. Ее помощь не нужна.

Сильви взглянула на меня и после кивка быстренько убежала на чердак. Если дело касалось отдыха, дважды повторять не приходилось.

— Ключи есть?

— Есть.

— Веди себя там прилично.

Я хотела сказать, что всегда веду себя прилично, но вместо этого просто кивнула.

— Ступай.

Хозяин вернулся на место, и вся четверка вновь довольно зашумела.

Я схватила фонарь и вышла на улицу: нос замерз мгновен-

но, а от сырого воздуха я закашлялась. Людей в этот вечер было немного, и полупустые улицы, лишенные обычной суеты, пугали. В отсутствие снующих по своим делам горожан я ощущала себя непривычно одинокой и постоянно озиралась по сторонам. Так, петляя меж улиц, я добралась до мастерской и, стряхивая снег с обуви, трижды постучала в дверь.

— Добрый вечер, мисс Молли! — поздоровалась я, когда портниха открыла дверь. Пройдя внутрь и поставив фонарь на стол, я аккуратно, чтобы ничего не намочить и не запачкать, сняла шубку.

Мисс Молли была женщиной молодой — точно моложе Джоди. Маленькая и аккуратная, с невероятно густыми волосами, в этот вечер убранными под платок, и множеством звенящих украшений. Она напоминала мне бродячую артистку — такие иногда заезжали в Тавр и привлекали внимание местных жителей, особенно детей. Безделушкам и цветастой одежде вряд ли бы позавидовала знатная леди, но мне они нравились.

— Пойдем, отогрею тебя чаем.

Мисс Молли повела меня через всю мастерскую, даже через скрытые от покупателей комнатки, прямиком в свою обитель — место, в котором хранилась вся ее жизнь. Кровать с толстым домотканым покрывалом, небольшой потертый стол с парой плохо сочетающихся стульев, несколько сундуков, на которых были вырезаны причудливые узоры, и несколько полочек с личными вещами, которые я постесня-

лась рассматривать. Над огнем висел котелок с водой.

Я присела за стол, а мисс Молли завозилась с чаем. С работой мы не спешили: приятно было отдохнуть после тяжелого дня и провести немного времени за ароматной чашкой. Я глядела на портниху и вспоминала, что о ней говорили в городе.

Замужем мисс Молли не была. Не была она и вдовой, да и детей не имела. Жила в Тавре одна, без покровительства отца или брата. Тогда меня это сильно поразило. Казалось, что у женщины всегда должен быть защитник — сильная фигура, которая могла бы о ней позаботиться и сберечь от нежелательного внимания. Портниха заботилась о себе сама.

— Спасибо вам за чай, — решила я нарушить тишину. — Не хочу отнимать ваше время, так что расскажите, как именно я буду помогать.

Мисс Молли внимательно на меня посмотрела и сказала:

— Сегодня это и есть твоя помощь. Сиди и пей чай, а я пока на тебя погляжу.

Я не совсем поняла, что она имела в виду, но ради приличия сделала еще глоток. Чай был вкусным, я уже не мерзла, а от огня даже начала немного млеть. Безумно хотелось прилечь на кровать и подремать, но я заставила себя встряхнуться и спросить:

— Зачем вам глядеть на меня?

— А у меня цепкий взгляд. Я многие вещи замечаю. Во что одеты горожане. В чем ходите ты и твоя сестра. А еще я

вижу, когда кто-то колдует над моей одеждой. Чужие швы и заплатки, новые пуговицы на месте старых. Скажи, ты сама штопаешь свою одежду?

Я кивнула.

— И для сестры тоже?

— Да, мисс.

— У тебя хорошо получается.

Щеки немного покраснели, и дело было совсем не в огне.

— Спасибо.

— Мне нужна ученица. Хочу передать ей свой опыт и сделать из нее хорошую портниху.

— О! Так вы хотите, чтобы я стала вашей ученицей.

Это был не вопрос. Помню, в тот момент я смутилась, но и обрадовалась тоже: как же, такая хорошая портниха обратила на меня внимание!

— Хочу, но пока не предлагаю. У меня есть еще несколько кандидаток, и опыта у них побольше твоего будет.

— Понимаю. Вы хотите устроить какую-нибудь проверку?

Мисс Молли рассмеялась и покачала головой.

— Нет. Сейчас я хочу знать, нужно ли это тебе? Разрешит ли Гил? Сможешь ли ты помогать ему, а потом приходить ко мне? Оставишь ли трактир, чтобы работать только со мной? Хочешь ли ты всю жизнь убирать комнаты?

— Не знаю.

— А ты подумай. Сколько тебе лет?

— Я не уверена. Двенадцать или тринадцать. Трудно ска-

зать.

Мисс Молли хмыкнула.

— Да уж. Я помню, как вы с сестрой оказались у нас. Сколько лет прошло? Четыре? Нет, побольше уже. Откуда вы приехали?

— Я не помню.

— Интересно. Ты ведь не малышкой была, как ты можешь не помнить?

— Не знаю.

— А что ты помнишь?

Мисс Молли задавала неудобные вопросы, а я не спешила отвечать. Пила чай, глядела в пол, а про себя удивлялась: действительно, почему это я не могу ничего вспомнить? Куда делось мое прошлое?

К счастью, портниха не стала давить — вместо этого попросила рассказать, что я уже умею делать и из чего состоит моя работа в трактире. За чаем и рассказом время пролетало быстро. Были моменты, когда мы просто молчали, и каждая думала о своем. Мисс Молли подлила немного чаю и сказала, что проводит меня до дома. Ее последнюю фразу я расслышала не очень хорошо: на кровати кто-то зашевелился.

Сердце резко подскочило, а дыхание перехватило. Мы были в комнате не одни!

Фигура, укрытая старым покрывалом, вновь зашевелилась. Лица я не смогла разглядеть, но по хрупкому телу предположила, что это женщина или даже девочка. Мисс Молли

продолжала говорить, вот только внимания я на нее не обращала — вместо этого поставила чашку на стол и поднялась на ноги. Человек на постели зашевелился вновь и протяжно застонал — это точно была женщина. Я подошла к ней и спросила:

— Вам помочь?

Женщина перевернулась на спину, и я наконец смогла увидеть ее лицо. Этого быть не могло! Я обернулась, но портниха вдруг исчезла, исчезла вместе с чашками и котелком, что висел над огнем.

— Мисс Молли!

Я попыталась прикоснуться к женщине, взять ее за руку или потрогать лоб, но что-то меня останавливало. Мисс Молли — та, что лежала на кровати, — выглядела ужасно слабой, с иссушенным лицом, без своих густых волос, без украшений и без прежнего огонька в глазах. Она болела, я сразу это поняла, но все равно не могла объяснить, как так получилось: только что она разговаривала со мной за столом, а теперь лежала в постели и умирала.

Я осмотрела комнату. Она выглядела почти так же, но глаз все равно отметил несколько мелких изменений: какие-то вещи исчезли, какие-то стояли не там, где раньше. Здесь не осталось ни тепла, ни жизни. Я вновь поглядела на мисс Молли, не зная, что делать и как помочь. Когда женщина закашлялась — некрасиво, с кровью, соплями и слезами — я не выдержала и зажмурилась. А когда открыла глаза, все

вернулось на свои места. Моя мисс Молли все так же сидела за столом.

— Прошу прощения, — слабо пробормотала я. — Наверное, я задремала.

Одежда была мокрой: я выронила чашку и запачкала платье. К счастью, сама чашка не разбилась и не треснула. Я попыталась ее поднять, но голове это не понравилось. Только благодаря мисс Молли я не повалилась на пол.

— Ты не дремала. Глаза были открыты. Фрея, ты как себя чувствуешь? Ничего не болит?

Она дотронулась до моего лба, и я поддалась прикосновению прохладных рук.

— Нет, не болит.

— У тебя раньше случались приступы?

— Приступы?

Возможно, удивленное выражение лица подсказало, что ни с какими приступами я не сталкивалась и понятия не имела, что это такое. Мисс Молли внимательно осмотрела меня и нахмурилась.

— Ты сидела и смотрела в одну точку. Меня не слышала. Не моргнула даже. На ноги чай пролила — и не пискнула. Я подумала, что это приступ. Болезнь. У тебя в семье никто не болел?

— Не знаю, мисс.

— Да, точно. Так, ну я даже не знаю, что делать.

Не могу сказать, почему, но в тот момент мне стало неуют-

но. Я не хотела, чтобы мисс Молли что-то делала, и боялась, что она снова начнет задавать сложные вопросы или предложит сходить за лекарем. Собрав все силы, которые только остались, я поднялась на ноги и сказала:

— Со мной все хорошо. Правда. Я просто устала. Спасибо вам за гостеприимство, но лучше мне вернуться в трактир.

— Конечно. Я провожу тебя.

— Не надо, я дойду. У меня есть фонарь.

— Я не позволю девочке бродить одной в такое время! Не пререкайся.

Вместе со мной мисс Молли вышла на опустевшую улицу. До трактира мы шли молча, и я была как никогда благодарна за это. Холодный воздух привел меня в чувство, и липкий страх наконец исчез. Лишь у входа в трактир мисс Молли сказала:

— Обратись-ка к лекарю. Может, ты и правда переутомилась, а может, это был приступ. Если это болезнь, за нее лучше ухватиться сразу. Уж поверь мне.

Я молчала. Перед глазами все еще стояла фигура, задыхающаяся от кашля в собственной постели. Я пожалела женщину, несмотря на то, что мне это всего лишь привиделось, а настоящая мисс Молли стояла прямо передо мной, красивая и здоровая. Я мотнула головой и вежливо попрощалась, больше всего мечтая оказаться в своей комнате.

В трактире было темно. Я принялась оценивать последствия очередной дружеской встречи: хозяин развалился на

столе и спал, окруженный пустыми кружками, которые никто не потрудился убрать. Огонь в камине погас, а на полу валялся мусор. Когда хозяин проснется и увидит этот бардак, попадет именно мне. Пересилив усталость, я занялась уборкой: осторожно собрала грязную посуду, отнесла ее на кухню и тщательно вымыла в ледяной воде, подмела пол и протерла столы. В конце концов, эта возня разбудила хозяина. Он дернулся, рукавом вытер заслюнявленный рот и прохрипел:

— Воды принеси.

Стоило мне вернуться со стаканом воды, хозяин недовольно заворчал. Не в первый раз я видела его в подобном состоянии. К сожалению, в последнее время он выпивал все чаще и чаще, а его товарищи и рады были осушить очередную бутылку.

— Не смотри на меня так.

Я по привычке опустила взгляд, но почти сразу же вскинула его. Сейчас я знала, кто был передо мной. Знала, каким человеком был хозяин, как он обращался с другими людьми, как он обращался с нами. Мои слова ему точно не понравятся, но я надеялась, они хотя бы заставят его задуматься о дурных пристрастиях и о том, как это скажется на трактире.

— Вы стали много пить, — осмелела я. — Раньше вы никогда не засыпали в зале.

— Я сам решу, когда и сколько мне пить. Не твое это девичье дело.

— Мое, если мне придется за вами убирать. Сегодня вот пришлось.

— Так не убирай!

— Если не уберу, утром вы меня отругаете. Это я тоже знаю.

Он задумчиво осмотрел трактир и бросил взгляд на тряпку, которая так и лежала на столе.

— Плохой я хозяин, значит?

— Нет. Вы не плохой хозяин, но рано или поздно вы будете похожи на тех, кого мы выгоняем из трактира.

Мы смотрели друг на друга, затем он отвернулся и раздраженно бросил:

— У тебя очень тяжелый взгляд, девочка. Ладно. Твоя взяла. Я пойду спать, а ты приберись и проверь тут все. И чтоб больше не смела так со мной говорить! Не доросла еще.

Несмотря на недовольство хозяина, я ликовала. Это была маленькая победа, маленькое торжество: мне удалось найти силы и сказать правду, какой бы неприятной она ни была. Многие девочки и женщины редко выражали свое мнение. Они боялись столкнуться с мужским гневом, боялись жестокого ответа или лишней оплеухи. Я тоже, но только не в тот момент. Не тогда, когда хозяин ушел к себе, раздраженно фыркая и бубня что-то под нос. Я быстро убралась в зале, проверила, чтобы двери и окна были закрыты, прошлась по кухне и, удостоверившись, что все в порядке, поднялась наконец на чердак.

Сильви уже спала, спала крепко и сладко, так что мой приход ее не только не разбудил, но даже не заставил шелохнуться. Лишь оказавшись в постели, я наконец поняла, каким странным и тяжелым был этот день. Головная боль немного стихла, но ее отголоски отзывались в затылке. Я пыталась объяснить, что произошло в мастерской, и не смогла. Был ли это приступ? Нужно ли обратиться к лекарю? Я точно знала, что денег на него не хватит — нельзя болеть, если ты беден. Я могла подойти к Джоди или даже к Линетт, но понятия не имела, как объяснить эту ситуацию. Лежала и прикидывала разные варианты, но в итоге решила подождать и не делать ничего. Лучшее решение — решение, принятое на ясную голову.

Даже если приступ и напугал мисс Молли, от решения учить меня она не отказалась. С того момента несколько раз в неделю, покончив с делами в трактире, я шла в мастерскую. Сначала помогала в мелочах: принести, подать, подержать и выбросить. Если дел в трактире было мало, я шла в мастерскую днем и часто сталкивалась с другими девочками. Мы работали вместе: иногда что-то пришивали и подшивали, иногда снимали мерки с приходящих посетителей, а иногда сопровождали мисс Молли, когда ту вызвали на дом. Каждое свое движение, каждое действие она объясняла нам, а мы все впитывали. Я замечала взгляды, которые мисс Молли бросала на меня, но не позволяла себе смущаться — новых приступов не было, и я решила, что в тот вечер просто

переутомилась.

Увы, мысль оставить трактир и стать портнихой разбилась, когда я осознала, как сильно уступала другим девочкам. Всего нас было четверо — кандидаток, мечтающих занять серьезное место в этом мире. Я смотрела на девочек и сравнивала себя с ними. Больше всех выделялась Паула. У нее были аккуратные и ловкие руки, выводившие такие ровные стежки, которые у меня никогда бы не получились. Паула единственная из нас четверых знала грамоту, и когда мисс Молли это поняла, то сильно удивилась. За месяц, что мы проработали вместе, Паула лучше всех стала понимать портниху и ее требования. В один из вечеров, помогая мисс Молли с уборкой, я набралась смелости и произнесла:

— Мисс, думаю, что работа в мастерской не для меня.

— Почему же?

Я высказала свое мнение насчет Паулы и добавила:

— Паула самая способная из нас. Она выучится гораздо быстрее, и вы успеете передать ей все свои знания.

— Почему ты так говоришь?

Что-то в тоне мисс Молли заставило меня обернуться.

— Как говорю?

— Успею передать. Почему именно эти слова?

— Не знаю, мисс. Это просто слова.

Я внимательно смотрела на портниху, не понимая, чем обидела или расстроила ее, и с трудом, но углядела то, что было тщательно спрятано. Мисс Молли боялась — до такой

степени, что ее лицо побледнело, а на лбу проступили капельки пота. Она боялась того, чего не могла остановить. Времени.

— Вы умираете.

Эти два слова мгновенно изменили обстановку в мастерской. Мисс Молли выронила из рук коробку с отрезами и всхлипнула.

— Откуда ты знаешь? — тихо спросила она, присев в кресло.

— Я не знала.

— Нет, знала. Ты так странно смотрела на меня. С того самого вечера.

— Честное слово, мисс, я ничего не знала и никак на вас не смотрела.

Я присела рядом и взяла мисс Молли за руку.

— Я могу что-нибудь сделать? Принести воды?

Она кивнула, и я вышла. Мне самой стало не по себе от правды, которая открылась сегодня — уверена, эту тайну мисс Молли хотела бы сохранить до последнего. Я вернулась в мастерскую с водой и с облегчением заметила, что портниха взяла себя в руки. Она сделала пару глотков и жестом попросила меня присесть.

— Что меня выдало? — спросила мисс Молли. — Неужели болезнь проявляется?

Я покачала головой.

— Тогда как ты узнала?

— Я не... Никак. Просто догадалась.

Я произнесла эти слова, а сама представила портниху, умирающую в полном одиночестве в темной и холодной мастерской. Образ ярко вспыхнул в памяти, словно я увидела его мгновение назад.

— Я пытаюсь бороться со временем, — призналась мисс Молли. — Знаю, что это невозможно. Болезнь рано или поздно догонит меня. Я боюсь, что умру и что обо мне никто потом и не вспомнит. У меня никого нет.

Она сделала еще один глоток. Я очень хотела оставить эту тему и вернуться к знакомой жизни в трактире, в которой не было разговоров о смерти. Даже когда мы хоронили Леви, я чувствовала себя гораздо спокойнее, потому что мне не приходилось утешать Джоди — у той были сыновья, были друзья и соседи, и вся забота легла на их плечи. Сейчас же мне казалось, что мисс Молли ждала поддержки, которую я не могла дать.

— Я хочу передать кому-то свою мастерскую, чтобы хоть одна душа помнила обо мне. Ты права. — Голос мисс Молли окреп. — Паула подает большие надежды. Я буду работать с ней. Посмотрим, успею ли я научить ее всему, что нужно.

Я заставила себя улыбнуться, криво и неуклюже.

— Отличный план.

Я недолго пробыла с мисс Молли. Убедившись, что с ней все хорошо и что она не собирается умирать прямо сейчас, я вернулась в трактир и больше не работала в мастерской. Все

свое внимание портниха отдавала радостной Пауле, которая начала трудиться и учиться с еще большим усердием.

Впрочем, я часто заходила к мисс Молли на чашку чая, и мы могли подолгу беседовать о жизни. Когда снег окончательно стаял, мы стали ходить на прогулку: часто бывали у реки, садились на траву и любовались природой, с улыбкой глядели на дерево, которое нравилось нам обеим, собирали цветы. Иногда к нам присоединялась Паула, иногда я брала с собой Сильви. О болезни портнихи пока не знал никто, хотя мне казалось, что изменения все же начали подступать. Мисс Молли порой ловила на себе мой долгий взгляд и грустно улыбалась.

Однажды в мастерской я услышала от нее:

— Мне иногда кажется, ты смотришь прямо в душу.

— Простите.

— Нет. Все в порядке. Просто… в такие моменты в голову лезут самые разные мысли. Хорошие, плохие. Начинаешь вспоминать то, что хотелось бы забыть. Или людей, которых забыть никак не получается.

Я немного помолчала, а потом тихо пообещала:

— Я вас не забуду.

Мисс Молли выдохнула и отвернулась, а потом надела свое самое веселое выражение лица и прошла в переднюю комнату, в которой Паула разговаривала с клиенткой. Их звонкие голоса и смех разливались по мастерской, так что я тоже постаралась отогнать все печальные мысли.

До следующей весны мисс Молли не дожила. Болезнь все-таки догнала ее и забрала с собой, а умирающий образ, который я увидела когда-то, стал явью. Единственное, что я смогла сделать, это сидеть рядом с женщиной в самые тяжелые мгновения и держать за руку, когда она умирала. Никто в такой момент не должен быть один — и мисс Молли не была.

Пятнадцатилетняя Паула вместе с матерью и младшими сестрами продолжила работать в мастерской. Стараниями мисс Молли она была готова. Какие-то свои вещи портниха раздала соседям и знакомым, кое-что досталось и мне. Это была коробочка с украшениями, которые мисс Молли с таким удовольствием носила при жизни и которые так нравились мне.

Глава 3

Потеря мисс Молли оставила меня в чувствах, которых я сама от себя не ожидала. Это было горе, самое настоящее горе, когда ты теряешь близкого и пытаешься понять, как жить дальше. Меня поразило, с какой легкостью я впустила нового человека в свое сердце, в котором раньше хватало места только для Сильви. Каждый день был похож на борьбу и заканчивался поражением.

Я бралась за любую работу: убирала комнаты и работала в зале, ходила на рынок, помогала соседям, сидела с чужими детьми, заходила к лекарю и разносила по домам лекарства. Удивительно, но некоторые даже платили за такую помощь, хотя сама я никогда ничего не требовала. Я работала не ради монет, а чтобы задавить горькое чувство, которое, увы, неизменно возвращалось по ночам. Я плохо спала, стала раздражительна и часто срывалась на Сильви, а та после любого грубого слова начинала тихонько плакать. Я не знала, что раздражало больше: сами слезы или то, как сестра пыталась их скрыть.

— Соберись уже, — бросил как-то хозяин. — Сама на себя не похожа.

Я и правда стала похожа на кого-то другого — на новую, непонятную Фрею, которая все время злилась. Сначала на мисс Молли, потому что она посмела умереть так рано, а за-

тем и на себя, потому что подпустила ее слишком близко. Свое обещание я все-таки сдержала: как бы ни старалась, но таврскую портниху мне забыть не удалось.

Из-за такого состояния я совсем упустила начало лета. В этот период работы в трактире хватало на всех. Я не успевала просыпаться и спускаться вниз, как день пролетал, и я вновь шла на чердак за очередным тревожным сном.

Трактир принимал множество путников. Все спешили в столицу, на свадьбу короля, которая должна была состояться в конце лета. Одна из главных дорог проходила как раз через наш город, поэтому Тавр принимал всех: и простых людей, и благородных. Такие сразу выделялись на общем фоне, и мы с Сильви с интересом разглядывали их на улице. Леди и лорды в трактирах не останавливались, зато у нас ночевали их слуги, из которых после нескольких крепких кружек можно было вытянуть много интересных сплетен. Их благородства обычно располагались в самом большом и богатом доме Тавра, в котором жил глава города, или в домах поменьше, деля кров с зажиточными горожанами.

Мы с Сильви слушали все, что говорили приезжие, и узнали, что невестой короля стала леди Флоренс, приехавшая из южного государства Галисия. Флоренс была старшей дочерью галисийского правителя, и этот брак, выгодный для обоих государств, должен был крепко связать два дома и предотвратить любое кровопролитие.

— Говорят, красивая девчушка, — услышала я за одним

столом.

— Пусть нарожает нашему славному королю детишек, — раздался женский голос за другим столом. — И покончим с бездетством.

— Я слышала, что она уже виделась с королем и давно носит его ребенка.

— Глупости ты слышала, — произнес строгий гость.

Я внимательно следила за гостями, улавливая каждую поднятую руку, каждый голос, который требовал еды и выпивки. Я бегала между столами и вместе с Сильви разносила тарелки, вздрагивала от взрывов хохота и вновь заведенной песни. Это было безумное время, но оно хотя бы немного вытянуло меня из трясины переживаний. Даже коронация Хэмлина не принесла в трактир стольких гостей. Люди обожали свадьбы, особенно те, на которых мог повеселиться и простой народ.

— Вот бы тоже оказаться в столице и увидеть свадьбу короля, — мечтательно проговорила Сильви перед сном. — Давай отправимся туда? Хочу увидеть королеву, хотя бы одним глазком.

— Денег не хватит.

— Говорят, леди Флоренс очень красивая, — продолжала сестра, пропустив мои слова мимо ушей. — Оно и правильно. Будущая королева должна быть красивой. Самой красивой!

— И хотя бы немного умной и доброй.

— Ну да, это тоже не помешает. Вот если бы я была королевой... — Сильви не договорила, и я нутром почувствовала, как она покраснела.

— Что? Что бы ты сделала?

— Ничего. Неважно. Это все глупости.

— Не глупости, если ты вдруг так застеснялась, — с усмешкой поддела я сестру. — Что бы сделала королева Сильви?

— Отстань. Спать хочу. Добрых снов.

— Да уж, добрых снов.

Я все посмеивалась, чувствуя напряженное сопение рядом с собой. Сестра точно что-то вообразила, но впервые, к великому моему удивлению, не стала делиться фантазиями. Глядишь, вскоре у нее появятся настоящие секреты!

Сопение Сильви сменилось размеренным дыханием. Я же еще долго ворочалась и думала о вещах, которые раньше меня совсем не беспокоили: о своем будущем, о свадьбе, о возможном избраннике и даже детях. Чудные мысли забирались в голову в те летние ночи.

Правда, днем времени на мечты совсем не оставалось: поток путников и не думал прекращаться, и иногда к нам на помощь приходила Линетт с младшими братьями. Хозяин в то лето был невероятно щедр, и мы с Сильви неплохо заработали. Сестра теперь сама желала распоряжаться своими деньгами — правда, после нескольких бездумных трат она поняла, что к этому делу подходить следовало с умом.

В один из таких суетливых вечеров я настолько вымоталась, что попросила хозяина о передышке. Ноги гудели, а плечи и спина вдруг заныли. Хозяин взглянул на меня сначала недоверчиво, но потом кивнул, усадил за дальний столик и велел Ханну, старшему сыну Джоди, принести что-нибудь перекусить.

— Небось с утра ничего не ела, да?

— Некогда было.

— Ну да. Ешь и возвращайся к работе.

Когда Ханн принес тарелку с овощами и мясом и кружку холодного пива, я наконец выдохнула и расслабилась.

Гости в этот вечер приходили разные. Были как случайные путники, так и те, кто сопровождал в столицу своих господ и ночевал у нас. Некоторые общались громко и со смехом, некоторые о чем-то тихо переговаривались. Я взглядом нашла Сильви, которая принесла ужин одному скромному молодому человеку, а потом меня отвлекла Линетт. Она встала под носом и недовольно спросила:

— Весь вечер отдыхать будешь, а? Мы здесь вообще-то работаем.

К счастью, от такого же недовольного ответа Линетт спас хозяин: велел ей живо возвращаться к работе. Я продолжила изучать гостей и взглядом задержалась на одной троице, что расположилась за укромным столиком и что-то тихо обсуждала. Путниками они были состоятельными — это я, благодаря мисс Молли, хорошо научилась понимать.

Один из гостей заметил мой взгляд и нахмурился. Пришлось быстро разделаться с ужином и вернуться к работе, но мой настороженный глаз все равно возвращался к мужчинам. Наверное, им это не понравилось — они быстро осушили кружки и поднялись. Я как раз собирала грязную посуду с соседнего стола, когда услышала хриплый голос позади:

— Девка весь вечер глаза мозолит. Что, совсем одиноко здесь?

Я обернулась и окинула мужчину серьезным взглядом, надеясь, что обратился он все-таки не ко мне. Он явно выпил лишнего и с трудом смотрел на меня. Я смолчала и быстро сложила посуду на поднос.

— Пошли с нами. — Гость чуть навалился на меня и схватил за локоть. — Если соскучилась по мужчине.

Новый взрыв хохота у стойки заставил нас вздрогнуть. Я вырвалась из мужской хватки, в то время как товарищи осмелевшего гостя подхватили его и повели к выходу, бросив в мою сторону невнятные и совсем неискренние извинения. Рассеянно потирая локоть и давя чувство брезгливости, я проводила троицу взглядом до самых дверей, пока не услышала голос хозяина:

— Фрея, хватит бездельничать!

Окутавшая меня пелена рассеялась. Я забрала грязные кружки, подхватила поднос и ушла на кухню, ощущая подступающую головную боль.

— Все хорошо? — спросила Линетт с неожиданной мяг-

костью.

Я хмуро посмотрела на нее и по участливому лицу поняла, что та все видела.

— Да. Кое-кто просто переборщил с выпивкой.

— Ну, с посвящением. Гилу скажешь?

— Нет. Они уже ушли. Ничего плохого не случилось.

— Ну ладно. Мой совет: носи с собой что-нибудь острое. Ножичек какой, кинжал или спицу, на худой конец. Для тех, кто не поймет отказа. — Линетт пошарила в юбке и протянула мне небольшой ножик в ножнах.

— Ты им когда-нибудь пользовалась? — спросила я, с интересом разглядывая нож.

— Один раз. Немного поцарапала парня, зато больше он ко мне не лез. С оружием гораздо спокойнее, даже если я никогда им не воспользуюсь. — Линетт забрала нож. — Сходи в кузницу, тебе там сделают что-нибудь приличное. Цена кусается, но договориться можно.

Я улыбнулась и поблагодарила Линетт за совет.

К ночи посетители трактира стали расходиться: кто по домам, кто по комнатам наверху. Хозяин отпустил Линетт и ее братьев, каждому дал по несколько монет и велел не опаздывать на следующий день, напоминая, что работы будет много. Сильви и Ханн потихоньку убирались в зале и относили грязную посуду на кухню к Тоби. Я видела, что сестра устала и начинала клевать носом, поэтому отправила ее наверх отдыхать. Каким-то образом Сильви удалось заработать с де-

сяток монет, да еще получить несколько от хозяина.

— За красивые глаза, — довольно пробормотала Сильви и зевнула. — С ног валюсь.

Ханн фыркнул, но ничего не сказал. Он за свои красивые глаза никаких монет не получал, зато ему доставались мечтательные взгляды многих девушек, в первую очередь Линетт. Правда, самой прачке не перепадало ни ласковой улыбки, ни доброго слова — Ханн совсем не обращал на нее внимания. В последнее время я стала разбираться в подобных вещах, а еще с удивлением отмечала, что сама частенько поглядываю на Ханна.

Под конец вечера Гил потянулся к выпивке, и я с тревогой следила за состоянием уже второй бутылки. Он распивал ее не один, с последними гостями, но пил явно больше. Заметив, как я на него смотрю, хозяин велел заняться делом и по крайней мере принести воды из колодца.

На улице в этот час было свежо и сладко. Желтая луна, уже практически полная, освещала внутренний двор трактира. После душного зала уличный воздух принес такое облегчение, что даже головная боль ненадолго отступила. Я постояла немного на улице, а потом подхватила ведра и направилась к колодцу. Тавр почти опустел, но все равно идти следовало осторожно, чтобы не напороться на гуляку, который забыл дорогу к дому. Сил к концу дня оставалось не так много, поэтому возилась с водой я долго, не переставая пыхтеть, пока поднимала тяжелые ведра.

Внимание мое привлек резкий вскрик, кем-то быстро заглушенный. За углом послышались знакомые мужские голоса.

— Он крыса! — Этот голос едва сдерживал ярость. — А вдруг он доберется до столицы и донесет королю?

— Не донесет, — раздался второй голос — хриплый, от которого по телу прошла неприятная дрожь. — Больше ни до кого не донесет.

— Видишь? План в силе, — произнес третий голос — кажется, тот, который бросил мне пустые извинения пару часов назад. — А теперь прекрати скулить, как сраная девка.

Мне следовало вернуться в трактир и как можно быстрее, но я едва ли могла сдвинуться с места — только стояла и смотрела, как из-за угла показалась знакомая троица. Они заметили меня, замерли на мгновение, а потом переглянулись и заулыбались. Что-то говорили друг другу, но я их не слышала — то ли из-за головной боли, то ли из-за громко стучащего сердца. Ответная реплика вырвалась с уст, хотя я сама не понимала, что тогда сказала. Слова мужчинам не понравились, и один из них достал меч. Сомнений не оставалось: с этим мечом он пойдет на меня.

Я зажмурилась от страха, а когда открыла глаза, то вновь оказалась одна. Не понимая, что происходит, я двинулась по улице, как вновь увидела тех самых гостей. Они вышли из-за угла, и расстояние между нами сократилось до угрожающей близости. Я остановилась и поставила ведра. Мужчины

тоже замерли. Мы смотрели друг на друга, а потом я увидела довольные улыбки на лицах всех троих. Сбитая с толку тем, что все повторилось, я пропустила вопрос:

— Почему такая милая леди гуляет по ночам одна?

— Леди? — услышала я свой голос, чересчур дерзкий для такого момента. — Уже не девка?

Не следовало так разговаривать, это я поняла сразу, но вернуть брошенные слова уже не могла.

— Какие мы злопамятные, — произнес хриплый голос. — Знаете... Все это подозрительно. Сначала сучка ошивается в трактире, теперь вынюхивает что-то здесь. Эй, ты следишь за нами?

Я была так сосредоточена на оружии, что висело на поясе у мужчин, что не смогла ответить. Мир расплывался и мерк. Сердце было готово выпрыгнуть из груди. Ладони вспотели. Дыхание участилось. Каким-то чудом мне удалось ухватиться за собственные мысли. Нужно бежать, бежать к людям! Я дернулась в сторону, и мужчины поняли, что я задумала. Один из них достал меч, и тогда я побежала куда глаза глядят — прочь, прочь, прочь от смерти! Мужчины кричали, ругались, а один из них — тот, что бежал быстрее и легче своих товарищей — схватил меня за одежду. Я упала и расшибла подбородок, ощутив привкус крови во рту.

— Набегалась?

Я со всей силы ударила мужчину ногой — не видела, куда, но поняла, что место, судя по стону, было болезненным.

Вскочила и побежала дальше. Бежала так быстро, как могла. Дорогу почти не разбирала. Второй — тот, что попытался пристать в трактире — добрался до меня и повалил на землю. Дыхание от бега сперло, а грубая рука заткнула мне рот. Невозможно было ни закричать, ни позвать на помощь, ни даже вздохнуть. Я дергалась и пиналась. Пыталась кусаться. Мотала головой в поисках оружия и взглядом зацепилась за огромный камень. Сжала свободную руку в кулак и ударила мужчину прямо в горло.

Удар подарил драгоценные мгновения. Свободной рукой я ухватилась за камень и со всей силы ударила мужчину прямо в висок. А затем ударила еще раз. И еще раз. И еще раз. Мужчина вскрикнул, повалился на землю и больше не шевелился. Я осталась в живых.

Когда два товарища добежали до нас и увидели мертвое тело, то обрушили отвратительный поток брани и угроз. Они двинулись на меня, и в тот же момент перед глазами вырос темный силуэт. Он ловкими и точными ударами трости расправился с обидчиками, а затем помог мне подняться на ноги.

— Интересная выдалась ночь, — невозмутимо произнес силуэт и откинул капюшон.

Это был совсем еще молодой человек. Лицо его показалось мне смутно знакомым.

— Юная леди, ваша беготня уже привлекла внимание, — тихо сказал он, осматривая тела. — Быстро скажите мне, по-

чему они за вами гнались? Вы заметили что-то подозрительное?

— Они подумали, что я за ними слежу. — Я постаралась ответить так же невозмутимо, хотя дыхание еще не восстановилось после борьбы. — Мы не поладили в трактире.

— Да, помню. — Юноша обшаривал карманы, но себе ничего не забирал. — Этого вы убили. Двоих я всего лишь вырубил, так что ваша стража сможет их допросить. Они скоро будут здесь. Ну а почему вы за ними следили?

— Я не следила, милорд. Я была у колодца и услышала голоса.

— О чем они говорили? — Юноша взглянул прямо на меня. Возможно, на лице промелькнула тревога, потому что он добавил: — Не беспокойтесь. Я не причиню вам вреда. Но я должен знать, о чем они говорили. Потом вы все это расскажете начальнику стражи.

— Они говорили о короле. О каком-то плане, который чуть не сорвался. Я думаю, эти люди кого-то убили. И хотели что-то сделать с королем.

Я удивилась самой себе — точнее тому, как мне удалось все это запомнить в столь тревожном состоянии. Молодой человек нахмурился, обдумывая услышанное.

— Спасибо, что поделились со мной этим.

— Спасибо, что спасли меня, милорд.

— Милорд? Так обращаются к людям благородным. С чего вы взяли, что я лорд?

— Не знаю. Вы очень хорошо говорите.

— Интересно. — Юноша улыбнулся, и эта теплая улыбка никак не вязалась с лежавшими рядом телами. — Запомните: не всякий лорд хорошо говорит и не всякий, кто хорошо говорит, является лордом.

— Запомню, — серьезно произнесла я. — И все равно спасибо.

В этот момент мы увидели стражу и несколько местных жителей, которые что есть силы мчались к нам.

— Отличная разминка, господа, — произнес юноша, как только стража добежала до нас. — Спасибо, что не прибежали под утро, когда тело этой храброй девушки могло унести течением. Возможно, теперь вы прислушаетесь к моему совету и будете расставлять караул на ночь. Особенно в период королевской свадьбы, когда чудной народ бродит по вашим землям.

Я с удивлением смотрела, как молодой человек отчитывал стражу. Не всякий местный позволял себе это, что уж говорить о проезжающем мимо путнике.

— Ты кто вообще? Что произошло? Кто эти люди? — спросил один из стражников. Лицо его было мне знакомо: он часто заходил в трактир после работы, чтобы в полном одиночестве распить пару кружек и поворчать на свое семейство.

— О, эти люди преступники. Напали на девушку, — сказал мой спаситель и подошел вплотную к стражнику. — А

еще кое-что говорили о короле. Думаю, вам лучше уйти с улиц. Ну, чтобы не привлекать ненужного внимания и решить эту недоразумение в безопасных стенах.

Стражник с сомнением смотрел на него, затем — на меня и на три тела. Я видела, с каким усердием он размышлял, сколько сил ему потребовалось, чтобы согласиться и приказать отнести преступников в темницу.

— Этого можно сразу в могилу, — спокойно сказал незнакомец, тростью указав на мертвеца.

Удивительно, но следующие часы, которые мы провели на допросе, вымотали меня гораздо сильнее, чем побег и борьба. Страх больше не придавал сил. Меня трясло, прикушенный язык распух и болел, тело ныло, а голова была готова взорваться от боли. Рассмотрев меня хорошенько при свете фонарей, взрослые тут же послали за лекарем и Гилом. Начальник стражи долго беседовал со мной и моим спасителем, и я рассказала все, что знала, видела и слышала. Поняв, что пойманные преступники могли быть заговорщиками, начальник побледнел и ушел в другую комнату. Мы терпеливо ждали его возвращения.

— Милорд... — тихо обратилась я. — Я даже не знаю, как вас зовут.

— Действительно, я как-то забыл представиться. Люди зовут меня Лори.

— Лори...

— Просто Лори. — Он улыбнулся, но я его улыбку не раз-

делила. — Тяжелая ночь выдалась, верно?

Я кивнула.

— Вы очень хорошо держитесь для такого юного возраста. Все слезы бережете для тихой комнаты, в которой вас никто не увидит, верно?

— Не думаю, милорд. Если бы могла, то уже расплакалась бы, — совершенно серьезно ответила я.

— Ой, да перестаньте звать меня милордом.

— Тогда как меня вас называть?

— По имени. Меня это не оскорбит, не переживайте. В конце концов, у меня очень хорошее имя.

Кажется, впервые за ту ночь я улыбнулась.

— Хорошо. Вы тоже едете на свадьбу короля?

— Не знаю. Может быть. Если успею добраться. В каждом городе меня что-то да задержит. Такими темпами я доберусь до столицы, когда все торжество уже окончится, и останутся одни пустые столы.

Наш разговор прервал приход лекаря, которого с трудом смогли растолкать в столь позднее время. Он осмотрел меня, не нашел ничего серьезного, кроме прикушенного языка, синяков и царапин, заварил кое-какие успокаивающие травы и велел выпить все до последней капли. Затем лекарь повернулся к Лори, но тот развел руками и сказал, что ни одна косточка в его теле не пострадала.

— Даже накидка осталась цела. Ни одного пятна, ни одной прорехи.

Стоило лекарю уйти, как Лори вскочил на ноги и заявил:

— Что ж, мне тоже пора уходить. Я и так задержался в вашем городке. Мисс Фрея, здесь мы попрощаемся. Постарайтесь больше не ввязываться ни в какие передряги.

Я тоже встала и неожиданно для себя протянула Лори руку.

— Спасибо, что помогли мне сегодня. Я этого не забуду.

Лори со всей серьезностью пожал руку и улыбнулся, а потом без лишних слов вышел из комнаты. Он покинул Тавр до рассвета, что, как я узнала потом, очень не понравилось главе города и начальнику стражи. Они хотели допросить его отдельно и с гораздо большим напором. Возможно, им стало интересно, почему Лори гулял по городу ночью, почему раздавал советы стражникам и почему уехал сразу после происшествия, не сказав никому ни слова. Меня это не волновало. Я радовалась тому, что осталась жива.

Когда мы с хозяином возвращались в трактир, я впервые поняла, как сильно старик привязался к нам с сестрой. Сначала он окинул меня сердитым взглядом, затем как обычно отчитал за то, что я вздумала гулять по городу в столь поздний час, как будто не он велел принести воды из колодца, а после этого быстро, но крепко обнял и тут же отпустил. От удивления я даже не знала, что сказать: ни разу за те шесть лет, что мы с Сильви прожили в Тавре, я не видела, как хозяин кого-нибудь обнимал. До трактира мы шли молча, а следующие несколько дней мне велели отдыхать. Сильви не от-

ходила от меня ни на шаг. Поднявшись утром и узнав, что произошло, она разрыдалась и успокоиться смогла через пару часов.

— Я запрещаю тебе умирать и бросать меня! — воскликнула Сильви, шмыгая носом. — Запрещаю! Поклянись, что не умрешь.

— Серьезно?

— Серьезно.

— Клянусь, что не умру. Вечно жить буду.

Новость о нападении встряхнула Тавр, однако ни слова не было сказано ни о короле, ни о возможном заговоре. Думаю, стражникам велели держать это в секрете. Люди заходили в трактир, чтобы поглядеть на меня и послушать, что произошло, но хозяин сказал нам держаться в стороне от подобных пересуд, так что спустя неделю-другую разговоры начали медленно угасать, а затем и вовсе сошли на нет. Еще пару раз в трактир приходил начальник стражи, и в одну из таких встреч я задала вопрос, мучивший меня с ночи нападения:

— Скажите, а что будет со мной?

— В смысле? Да ничего не будет, — ответил начальник.

— Но я убила человека.

Я впервые сказала это вслух и поразилась тому, до чего странно прозвучали мои слова. Разум все пытался соотнести три вещи: я, другой человек и убийство. Я — убийца. Я убила человека. Забрала чью-то жизнь. В ту ночь у меня не было времени, чтобы обдумывать свои действия. В ту ночь

передо мной стояла одна задача — выжить. Самое тяжелое началось на следующий день, когда на меня навалились муки свободного времени. Я много размышляла и рисовала в голове страшное будущее, была готова отправиться в ссылку и даже взойти на эшафот.

— Да. — Начальник почесал подбородок и бросил не слишком уверенный взгляд на хозяина. — Но убитый был преступником и заговорщиком, так что ты, считай, оказала услугу короне. В общем, наш лорд велел тебя не трогать. Больше скажу — он хочет лично тебя увидеть.

Груз, тянувший меня к холодной земле, исчез. Меня не отправят в ссылку и не казнят. Сильви не останется одна.

— Король хочет поблагодарить меня?

— Да не король. Лорд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.